

Содержание

Введение	7
Призвание	9
Роман	13
Смерть	17
Инструкция	21
Путешествие	25
Ритуал.	33
Естественность	39
Шаблон.	43
Режим.	46
Деформация.	51
Дети	56
Вредность.	59
Любовь	63
Бабушки	70
Время	73
Давность.	77
Адвокаты	81
Сенсация	92
Красота	93
Лексикон	97
Авто.	101
Бесстрашие	103
Миллионы	110
Подснежник.	121

Утопление	128
Записи	134
Этанол	137
Травма	140
Танатогенез	148
Жизнь	152
Медкарты	154
Инверсия	159
Жалобы	162
Лишнее	173
Фанаты	176
Танец	189
Завещание	191
Химия	197
Неверие	208
Фантазии	216
Цинизм	223
Цели	229
Ответственность	239
Истина	246
Щенок	253
Юность	254
Шутки	258
Части	263
Гости	268
Ежик	271
Ясность	278
Эпилог	281
Алфавитный указатель	283

Введение

Мои знакомые и друзья часто спрашивают: почему я не пишу детективы или сценарии? У меня же обилие материала, богатая фактура, уникальные знания, опыт. Я действительно не пишу детективы — судебная медицина, как и любая другая специальность, полна обыденности и рутины. Когда я смотрю фильмы, детективные сериалы, я восхищаюсь оснащённостью лабораторий, где можно за пару минут провести все анализы и тесты, удивляюсь суперподготовке специалистов, которые и препараты в микроскоп разглядывают, и стреляют, как мастера спорта, и за преступниками бегают. В обычной жизни химический анализ на наркотики и психотропные делается месяц. И возможности судебно-медицинской экспертизы не безграничны, а заключения не абсолютны.

Сейчас в «Эксмо» выходит серия детективов Марии Долонь. Мы знакомы, и иногда девочки, пять соавторов, задают мне разные вопросы. Я стараюсь им помогать, отвечать, как бывает, а как нет. На первых наших посиделках с Долонь одна из авторов сказала: «Хорошо, Оль, давай мы сразу исключим судебно-медицинских экспертов из предполагаемой читательской аудитории, это же очень маленький процент». Когда я найду способ соединить всю унылую каждодневную судебно-медицинскую правду с художественным вымыслом, с лихо закрученным сюжетом, я напишу детектив, а потом, может быть, даже и сценарий сериала по нему.

В этой книге я решила заняться развенчанием мифов о судебной медицине, образе эксперта и вообще всех, кто работает в морге, и прибегнуть к любимому методу — обнажить прием. Авторская речь от первого лица, смесь дневника, эссе, очерка, журналистского расследования — о, богатые возможности нон-фикшн! Возможность поразмышлять, немного пофилософствовать, рассказать о проблемах современной отечественной медицины на материале собственного опыта. Разумеется, с историями из жизни и примерами.

За название благодарю Марию Константиновну Голованивскую. Когда-то в школе «Хороший текст» выпустили жизнеутверждающий альманах «Короче, все умерли», там был и мой текст про восьмерых пожарников, погибших при тушении пожара на складе в Москве: обрушилась кровля, на складе никого не было, но была опасность, что огонь перекинется на соседние жилые дома, это в выходные-то вечером. Восемь профессионалов провалились вместе с кровлей в самое пекло. Это настолько поразило меня, что я написала текст. Название дала самое простое и спорила с редактором альманаха, доказывая, что понравившееся ей слово «скоропостижка» не имеет отношения к насильственной смерти на пожаре и никак не может быть названием. Время прошло, я научилась давать своим текстам более интересные, цепляющие названия и, приступая к этой книге, сразу решила, что назову ее именно «Скоропостижка», спасибо Марии Голованивской.

Призвание

В интернатуре я дежурила вместе с экспертом из нашего морга. Ездила вместе с ней на выезды в составе следственно-оперативной группы — той самой, которую часто показывают в фильмах и сериалах под громкий призыв: «Группа, на выезд!» Мне нужно было учиться осматривать и описывать трупы на месте происшествия, это неотъемлемая часть работы эксперта. Даже если вы никогда не будете дежурить сами, с протоколами осмотров неизбежно встретитесь в морге. Чтобы понять весь процесс, нужна практика — самому в поле: и в квартиру с тараканами, и в сгоревший залитый гараж, и в заболоченный овраг ночью, и в лес зимой, и в коллектор. Я дежурила с Г. У нее было лет двадцать, а то и больше стажа к тому времени. Приехали мы на вызов в стандартную двухкомнатную квартиру в девятиэтажке, где-то на Юго-Западе. На полу одной из комнат мужчина лет сорока, с начальными признаками гниения, накрыт с головы до пят одеялом, веревкой с гирей привязан к ножке кровати. На голове ушибленная рана, кровоподтеки. Выясняем. Отец семейства. Жена, сын в третьем классе. Ютятся все в одной комнате, вторую сдают. У мужа габитус, то есть внешний вид злоупотребляющего алкоголика, тот тип, когда люди высыхают, уменьшаются, тончают как-то. Живые обитатели жилища, включая квартиранта, все

в отделении. Легенду узнаем от оперов: пришел на днях пьяный, шатался, жену с сынишкой доставал, потом упал. Осматриваем труп, следовательно пишет протокол, про труп — под диктовку Г., Г. ощупывает голову, кости свода черепа явно патологически подвижны, можно предположить, что причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Не нравится расположение ушибленной раны на голове — не совсем типично для падения: жена говорит, что упал он, как все падают, назад, на спину. А рана сбоку, на виске. Или падал по-другому, или, может быть, на выступающий предмет приземлился. Или вообще ударили. Опера все время на связи с отделом. Говорят, что показания квартиранта и жены расходятся. Квартирант слышал шум и крики в один вечер, жена умершего показывает, что все произошло в другой. Вокруг головы трупа очень мало крови, хотя раны головы обильно кровят, здесь хорошее кровоснабжение. Криминалист осматривает квартиру на предмет следов крови. Следователь и оперативники интересуются давностью наступления смерти. К сожалению, эксперт дает большой разброс времени, до нескольких суток. Трупные явления¹ сложно анализировать у тела, которое лежало

¹ Изменения, которым подвергаются органы и ткани трупа после наступления биологической смерти. Трупные явления подразделяются на ранние и поздние. К ранним относятся охлаждение трупа, трупные пятна, мышечное окоченение, высыхание и аутолиз; к поздним — гниение, мумификация, жировоск и торфяное дубление. — *Прим. ред.*

под одеялом. И вот наша работа закончена. Я брожу по квартире, где уже можно, осматриваю вещи, листаю тетради сына покойного. Они лежат на столе в той же комнате, где и тело отца. Письменный стол стоит вплотную к кровати. Чтобы сесть за него, мальчику надо было перешагнуть через голову, дальше стул не отодвигался. Старательный детский почерк, тетрадь для занятий по русскому языку ученика третьего класса «Б». Домашние задания чередуются с классными работами, ничего не пропущено, ошибки, красная ручка учительницы. Окна открыты, теплый май, самое начало, всю надрываются птицы, пахнет нарождающейся травой, набухшими почками.

Листаю машинально, не читая, тетрадь почти закончилась. На предпоследней странице глаз цепляет короткую, в несколько строк, запись. Странная домашняя работа, мелькает в голове. Потом, как положено, отступ: два пальца слева. И с красной строки: «Мама папу удавила».

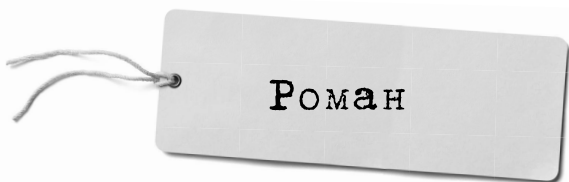
Тетрадь, разумеется, изымают, а потом все раскручивается, как в кино, с конца в начало. Уставшая, измученная женщина ударила один раз мужа, чтобы он успокоился, тот упал, она оттащила его с прохода, связала руки и ноги, привязала к кровати, для верности примотала гирю. Муж лежал без сознания какое-то время, а потом стал дергаться, мычать, напугал сына, тот расплакался, а мать, чтобы все наконец-то уgomонились, «успокоила» мужа подушкой, которую до того подкладывала ему под голову, чтобы кровь не текла на пол. Я до сих пор помню зритель-

но, где были эти строки, — внизу листа, справа на развороте. Помню планировку квартиры и обои в коридоре, как стояла мебель и где было окно в комнате с трупом.

**СТАРАТЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ПОЧЕРК, ТЕТРАДЬ
ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ УЧЕНИКА
ТРЕТЬЕГО КЛАССА «Б». НА ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ ГЛАЗ ЦЕПЛЯЕТ КОРОТКУЮ, В НЕ-
СКОЛЬКО СТРОК ЗАПИСЬ: «МАМА ПАПУ УДА-
ВИЛА».**

С дежурств я ушла, когда узнала, что беременна, и после рождения ребенка уже не вернулась, хотя считаю работу в следственно-оперативной группе очень интересной.

В практике был еще первый пропущенный огнестрел — убийство девушки-продавщицы в уличном ларьке. Зияющая дыра с рваными краями на груди и мелкие серые шарики, застрявшие в мягких тканях спины. На коже крестообразные раны, очень напоминающие надрезы, шарики вываливались из них при легком нажатии. Приехали милицейские начальники, мне вдвойне страшнее от их присутствия. Все требовали от меня ответов, а я растерялась, не могла сказать ни слова. Толпа мужчин смущала, нервировала, раздражала. Пока кто-то из этой толпы не поднял тот самый металлический шарик со словами: «Дробь» — и тогда все прояснилось.

Я пришла в судебную медицину в 2004 году, в городскую интернатуру на базе одного из моргов, где и сейчас находится кафедра судебной медицины медицинского университета. До мединститута я проучилась три курса на филологическом факультете МГУ, отделение русского языка и литературы. На филфаке я мучилась вопросами смысла учебы, всей своей специальности, не понимала, кем и как смогу работать потом. Я отчаянно хотела приносить пользу людям. Завидовала тем, кто что-то делает руками: ювелирам, реставраторам, портным, часовщикам и так далее. Медицина казалась мне самой полезной профессией на тот момент.

Многие студенты-филологи подрабатывали, и я тоже устроилась в гостиницу «Севастополь», отвечала за телефонные переговоры, связь у гостей через коммутатор, жила в общежитии на Вернадского. Смена сутки-трое, администраторы, охранники и я, двадцать четыре часа рядом. В нашей работал Николай Александрович, красавец, на которого заглядывались все гостиничные дамы. Я недавно школу закончила — ему двадцать восемь. Брали номер, секс, короткий сон (гостям никто не мог дозвониться, коммутатор не отвечал). Любовная связь была короткой и бурной. Его пост удачно располагался напротив моей стойки. Мы много разговаривали, находили время, он рассказывал о себе, я с влюбленными гла-

зами слушала. Он говорил о медицине. Между сутками в гостинице — хирург-андролог, экзотическая специальность, сложные операции.

Николай Александрович был со мной честен, не раздавал обещаний и все-таки уволился. Я грустила и разыгрывала воображаемые встречи. Летом я пропустила всю сессию, просто не пошла, встала в график сутки через сутки (разрешили, работала я без трудовой книжки и без договора), накопила денег, а с сентября поступила на подготовительные курсы во второй мед и нашла репетиторов по химии и биологии.

В последний месяц перед вступительными экзаменами после смены в гостинице я ехала сначала в Коньково на химию, потом на Красные Ворота — на биологию. В метро повторяла домашние задания. Каждый день новые задания, каждый день уроки. Занятия пропускала только из-за работы. Питалась тогда я, кажется, исключительно пельменями и спала часов по пять. Вступительные сдавала тоже после суток. Никто не верил, я никого не слушала и шла напролом. Поступила. Бабушка и мама были против.

ОПИСАНИЕ МЕХАНИЗМА РОДОВ, ВРОДЕ БЫ СУГУБО НАУЧНОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ НА МИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ С ХОРОШИМ КОНЦОМ. ХОТЯ ВСЕ И РАСПИСАНО ПО ПУНКТАМ — ДЕЙСТВИЕ ГОРМОНОВ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭТАПОВ, — РОДЫ, КАК И СМЕРТЬ, ДЛЯ МЕНЯ ЗАГАДОЧНЫЙ ПРОЦЕСС, ЗАВОРАЖИВАЮЩИЙ.

В судебку я пришла с пятого курса. После цикла в институте (мы учились на старших курсах цикла-ми, например, три недели гнойной хирургии в больнице каждый день, потом сразу экзамен или зачет) я стала ходить на студенческий научный кружок на кафедре. По субботам, кажется, с восьми утра, когда мой муж, историк, с удовольствием отсыпался, как и все нормальные люди. К моему возвращению он как раз вставал и за кофе с интересом расспрашивал, что я там навскрывала.

Кружок вел преподаватель кафедры, профессор О. Он на полставки работал в городском морге, отделении Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы, который как раз находился в одном здании с кафедрой. Очень удобное соседство для практических занятий студентов. Вскрывал О. по субботам, а точнее, мы, кружковцы, вместо него. Он не боялся отдать нам труп, изредка спускался в секцию, потом выписывал свидетельства о смерти. Главное — не пропустить убийство. Мы были предоставлены сами себе. Сколько некрасивых, неправильных с точки зрения секционной техники разрезов я сделала. Сколько патологических изменений наверняка не заметила. Теперь я уверенно полагаюсь на свою внимательность, потому что тогда рассчитывала только на себя. Вскрывала, смотрела во все глаза, а потом задавала вопросы и читала про увиденное в книгах.

Мое обучение было сугубо практическим. На кружок приходили ординаторы, помогали нам, контролировали нас, чтобы, не дай бог, мы не пропустили чего-то по-настоящему важного, вычитывали потом

наши акты судебно-медицинского исследования, поправляли, объясняли. К окончанию института я могла уже более или менее сносно вскрыть скоропостижный¹ труп и даже простенькую ЧМТ². Летом я приходила вскрывать за О. еще и на неделе, в морге меня уже знали.

В мединституте, кроме судебной медицины, мне понравилась еще одна специальность — акушерство. Описание механизма родов, вроде бы сугубо научное, медицинское, как я сейчас понимаю, очень похоже на мистический рассказ с хорошим концом. Хотя все и расписано по пунктам — действие гормонов, последовательность этапов, — роды, как и смерть, для меня загадочный процесс, завораживающий.

Потому что так и остается непонятным, почему рождается именно этот человек и именно в это время, почему запускаются роды или вдруг наступает смерть. Почему кому-то на голову ни с того ни с сего падает кирпич, почему у кого-то развивается рак?

В акушерстве я не смогла почувствовать свои руки. Я до сих пор уверена, что это немного шаманство, магия, провидение. Руки, как у экстрасенсов или бабушек-знахарок в деревнях, должны сами чувствовать и сами по себе работать. Интуиция, третий глаз, внутреннее знание — назовите как хотите. Да, это говорит человек с высшим медицинским образованием, врач самой бездушной специальности.

¹ Скоропостижной называется быстро наступившая смерть среди кажущегося здоровья от скрыто протекающего заболевания. — *Прим. ред.*

² Черепно-мозговая травма. — *Прим. ред.*

Я так хотела работать именно руками, приносить пользу, но рук своих и испугалась. В судебной медицине руки задействованы, но таинство запускается не только через них, таинство это иного рода, и не так страшна вероятность навредить. Разумеется, если по вашему заключению сядет невиновный — это страшно, но смерть новорожденного из-за вашей ошибки куда страшнее.

Приступ ненависти к своей работе я испытала год назад, когда умирала моя бабушка, ей было девяносто семь лет. Умирала долго, от рака, в Челябинске, моем родном городе, с ней жила моя мама. Я ждала от нее отмашки, чтобы сорваться и ехать. Помогать ухаживать или прощаться. Я видела подобные случаи. Диагноз «папиллярный плоскоклеточный рак кожи носа с метастазами в шейные лимфатические узлы, очагами некрозов и распадом, наружные гнойные свищи левой боковой поверхности шеи» звучит красиво. Огромная безобразная сочащаяся шишка, занимающая половину шеи и деформирующая лицо, на живом человеке, особенно на твоей родной бабушке, выглядит ужасно.

Я долго потом жила с ощущением, что после увиденного не смогу зайти в секционный зал, раз-

говаривать с родственниками, прикрываться умными латинскими и греческими терминами, пожимать плечами. Как я могу давать красивые названия, классифицировать, выстраивать цепочки осложнений и рассуждать, что из чего проросло, развилось и за чем последовало? Я испытывала ненависть к праву ставить диагнозы и определять причины смерти, к специальности, в которой проработала пятнадцать лет.

А с бабушкой больше уже и не поругаешься никогда. Последние дни сознание было спутанным, опухоль настолько деформировала лицо, проросла в нижнюю челюсть (патологический перелом в итоге, с которым ничего сделать нельзя), что совсем нельзя было понять, что она говорит. А она, как назло, говорила, говорила и плакала.

Приходя к смерти каждый день, я ни разу ее не видела. Я никогда не видела, как умирают люди. На практике в институте не встретилось, а единственной личной смертью пока что была смерть деда, которая случилась без меня. Я как раз училась в Москве. Мама и бабушка оберегали меня и даже не сказали сразу, что дед умер, хотели дожидаться каникул. Проговорилась дальняя родственница, посчитала своим долгом сообщить. В том же году я бросила учебу на филологическом факультете МГУ. Мама с бабушкой считали, что, будь дед жив, я бы не посмела. А знакомый коуч уверена, что я до сих пор расследую обстоятельства его смерти, поэтому и оказалась в медицине и именно в судебке. Как знать. Год назад смерти я испугалась.

Помню, самолет снижался, и мне было страшно. Я боялась не авиакатастрофы, я боялась встречи. Мы с дочерью летели к бабушке. В день отъезда я, как обычно, пришла в морг, получила работу и поняла, что не могу войти в секцию. Под разными предложениями — позавтракать, выпить чаю, кофе, срочно закончить один акт, обсудить сложный случай с шефом — я оттягивала этот момент. Звонила мужу, подруге-фельдшеру — астрологу по совместительству. Пыталась найти способ преодолеть страх. Преодолеть не удалось, он остался, пришлось просто пойти и сделать, что должна.

Из аэропорта ехали на такси, ни о чем не думали, молчали. Вечер, дорога темная, пустая, желтые фонари. Бордюры из сугробов, дорога расчищена, редкие снежные стопки блинов на черных ветках, слоистые, как в тарелке, но легкие ветки не прогибаются. А Москву замело, только мы улетели. В городе люди, машины, огни, дома казались полупрозрачными на клубящемся небе. Тоска. Не та благодатная, которая положена вернувшемуся в город детства, а новая, пустая, жестяная.

Бабушка была уже в коме, второй день не ела и не пила, даже перестала облизывать губы, когда смачиваешь. Мы приняли решение не ставить ей поддерживающие капельницы, не проводить реанимацию. Глаза она уже не открывала, взгляд не фиксировала. По шкале комы Глазго 6–5 баллов. Дыхание тяжелое, клочкотало. Тахикардия 110–120 при низком давлении 90/60 мм рт. ст. Губы сухие, в тонких полупрозрачных корках, руки прохладные

на ощупь, берешь в свою — легкие, почти невесо-
мые. Пальцы поджаты, кожа на ощупь — высохшие
осенние листья, которые крошатся, ломаются.

Смерть сама примиряет с собой, если дает вре-
мя. За две тысячи километров я мучилась разными
вопросами, а на месте простые решения и простые
действия успокаивали. Отпустили, главное — обез-
болить, не продлять страдания. Страх есть, но его
и нет, мужества не требуется или требуется, но оно
приходит само, из ниоткуда. Только не изводить
себя и маму дрызгами, кто виноват и что еще можно
было сделать. Вера Павлова рассказывала, как пи-
сала стихи у постели умирающего мужа. Я пишу, это
мой способ, и это честно.

Увезли нашу бабушку, такую маленькую в черном
трупном мешке. Последние часы она тяжело дыша-
ла, грудь раздувалась высоко, но реже и реже. По-
могала животом, вскидывала его, резко, вразной
с дыхательными движениями. Дышала тихо почти
беззвучно, даже шелеста не слышно. Помогала еще
ртом — вытягивала губы, то ли вдыхала так, то ли
выдыхала, и задирала высоко заостренный нос.

Потом, когда уже не могли больше сидеть ря-
дом, ушли с мамой на кухню. Скорую ждали на кон-
статацию смерти пять часов. Дом старый, комна-
ты и кухня смежные, на кухне стоит холодильник
«Полюс», раритет. Мы слушали тихое равномерное
бульканье внутри, что-то переливалось, то ли холо-
дильник, то ли вдруг бабушка, ходили проверяли
ее, складывали ей руки, закрывали глаза, подвя-
зывали челюсть.

СМЕРТЬ САМА ПРИМИРЯЕТ С СОБОЙ, ЕСЛИ ДАЕТ ВРЕМЯ. СТРАХ ЕСТЬ, НО ЕГО И НЕТ, МУЖЕСТВА НЕ ТРЕБУЕТСЯ ИЛИ ТРЕБУЕТСЯ, НО ОНО ПРИХОДИТ САМО, ИЗ НИОТКУДА. ВЕРА ПАВЛОВА РАССКАЗЫВАЛА, КАК ПИСАЛА СТИХИ У ПОСТЕЛИ УМИРАЮЩЕГО МУЖА. Я ПИШУ, ЭТО МОЙ СПОСОБ, И ЭТО ЧЕСТНО.

Когда санитары перекладывали бабушку с дивана в специальный пакет, она издала что-то, похожее на стон и хрип одновременно. Мама, которая подходила к бабушке, щупала ее, чувствовала, как она холодеет, как коченеют руки и ноги, испугалась, кинулась к пакету, ко мне: «Оля, Оля, что это, а как же? Она что?» — я растерялась, не смогла ответить, санитары пояснили: «Воздух выходит» — и тогда я отмерла и стала говорить.

Процедуру захоронения, разумеется, я знаю не только по работе — несколько раз помогала родственникам и друзьям хоронить близких.

Как должно быть. Родственники, если смерть наступила дома, вызывают скорую помощь на констатацию и полицию. В регионах вместо скорой может

прийти и терапевт из районной поликлиники в будни в рабочее время. Полиция отправляет участкового, что тоже соблюдается не всегда. Он, если не заметит ничего подозрительного, описывает труп и дает направление на вскрытие. По закону с некоторых пор вскрывают всех умерших. Здесь есть два пути. Участковый может направить труп на патологоанатомическое исследование. Скорее всего, так произойдет с бабушками-дедушками и старенькими родителями, которые давно болели, имели традиционный букет болячек — сердце, давление, диабет, онкология — и наблюдались в поликлинике или лежали недавно в больнице. Патологоанатомические морги существуют при больницах, смерть в стационарах вскрывается в большинстве случаев. Патологоанатомы не исследуют трупы скончавшихся в больнице, если родственники напишут заявление с просьбой выдать тело без вскрытия и история болезни умершего покажется прозекторам убедительной. Патологоанатомы вскрывают домашнюю смерть, если нет подозрений на насильственную — травму, например. При этом патологоанатомы также имеют право не вскрывать трупы, поступившие из дома, если родственники умершего предоставят необходимые медицинские документы и напишут аналогичное заявление.

Необходимые медицинские документы: медицинская карта из поликлиники (естественно, если последняя запись там не двадцатилетней давности, а посещения поликлиники были достаточно регулярными), выписки из стационаров, где лечился умер-

ший за последние годы по поводу основных своих заболеваний, — выписка про удаление вросшего ногтя или обрезание крайней плоти в подростковом возрасте из-за фимоза не подойдет. Патологоанатомы изучат предоставленную документацию и, если информации им хватит, выдадут медицинское свидетельство о смерти без вскрытия тела.

УЧАСТКОВЫЙ ИНОГДА ЗАПОДОЗРИТ ЧТО-НИБУДЬ — И ДОМАШНЮЮ БАБУШКУ ОТПРАВИТ НА СУДЕБКУ С СИНЯКАМИ НА НОГАХ ИЛИ РУКАХ. И НИКОМУ НЕ ИНТЕРЕСНО, ЧТО СИНЯКИ У БАБУШЕК И ДЕДУШЕК ЗАЧАСТУЮ ОБРАЗУЮТСЯ ОТ ЛЕГКОГО ПРИКОСНОВЕНИЯ, ДЕРЖАТСЯ ДОЛГО, ЗАСТАВЛЯЯ ЗАДУМАТЬСЯ О «ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ».

Участковый может также направить труп на судебно-медицинское исследование, в морг местного Бюро судебно-медицинской экспертизы. Делается это вот в каких случаях: возраст умершего не столь почтенный или совсем не почтенный — дети, подростки, взрослые лет до шестидесяти, а то и семидесяти, смерть не домашняя, а, например, в магазине или в той же поликлинике, на работе, пусть даже вы приличная гардеробщица в краеведческом музее, тетя Глаша, семидесяти восьми лет от роду. Участковый иногда заподозрит что-нибудь и домашнюю бабушку отправит на судебку с синяками на ногах или руках. И никому не интересно, что синяки у ста-

риков зачастую образуются от легкого прикосновения, держатся долго и не сходят, пугая всех своей чернотой и заставляя задуматься о «жестоком обращении» там, где его нет. В судебке вскрывают всех и обязательно. Родственники могут попробовать обратиться к начальнику районного отделения полиции, которое направило тело на вскрытие (откуда участковый), и получить разрешение на выдачу тела без данной процедуры. Это фиктивная бумага, про нее ни в одной статье законов не написано, но на практике работает, правда, выдают такие разрешения очень неохотно.

Если участковый заподозрит травму, убийство, или просто ему что-то покажется подозрительным, или он боится принимать решения и прикрывает себя, он вызывает дежурного следователя с группой, а они точно направляют труп на судебное вскрытие. Естественно, на судебку автоматически попадают разные травмы — падения, авто и пр. — и убийства.

В любом случае после вскрытия или без вскрытия в патологоанатомическом отделении родственники получают медицинское свидетельство о смерти, с которым идут в ЗАГС или МФЦ за гербовым свидетельством о смерти. С гербовым свидетельством можно оформлять похороны, то есть заказывать гроб, принадлежности, договариваться на кладбище и организовывать поминки, а потом и выписывать умершего с жилплощади, вступать в наследство и прочее. Так должно быть, а на деле бывает по-всякому.

Путешествие

В книге Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» герой разъезжает в катафалке с гробом неизвестного ему человека, гроб где-то ждут родственники, а пассажиры катафалка (Петров там не один) и водитель блукают по городу в соответствии со своей внутренней логикой, зависают у приятеля в доме, пьянствуют, гроб к месту назначения доставляют на следующий день. В моем детстве тела умерших оставались дома до похорон. Гробы стояли на табуретках или столе посреди комнат, приходили родственники и знакомые, а в день похорон гроб выносили на улицу, опять же ставили на табуретки, чтобы попрощались соседи, знакомые, потом грузились в автобусы и ехали на кладбище. Бывало еще, конечно, перед кладбищем заезжали в церковь, отпевали или батюшка приходил отпевать домой. У умершего была практически одна дорога. Сейчас с покойными прощаются в ритуальных залах при моргах, больницах, крематориях.

От места смерти до упокоения в земле или в печи тело совершает целое путешествие. Сначала в морг в трупоперевозке — это такая переоборудованная скорая на несколько тел с наглухо покрашенными молочно-белыми стеклами и полками внутри. В морге, если добавить деталей, другое средство передвижения — каталка. Современные каталки имеют подъемный механизм с педалью. На каталке тело едет от приемки трупов до холодильника.

В современных моргах в крупных городах холодильники кассетные. В подвалах стоят серые гиганты, навевающие размышления о заготовках в промышленных масштабах, с ручками, как у старых ЗИЛов, и выдвигающимися полками, укрепленными в пазах. Модные каталки с педалью как раз подходят для таких кассетных холодильников, потому что не имеют столешниц. На остов каталки устанавливаются полки из холодильников, они же столешницы. Есть ли у наших морговских каталок в дополнение к регулировке высоты тормозная система или дополнительное пятое колесо, подключаемое для прямолинейного движения, я не знаю. У медицинских каталок, используемых в больницах, в реанимации например, точно есть. В городах поменьше покойный по моргу передвигается на каталке попроще, без регулировки и тормоза — регулируют и тормозят санитары. Вместо кассетных холодильников — холодильные камеры, комнаты с двух-трехъярусными полками вдоль стен. В такие камеры заходишь сам, ищешь труп, укладываешь на каталку и выходишь-вывозишь. Двери тяжелые, с массивным запирающим механизмом снаружи: если тебя случайно закрыли внутри, услышат не сразу. Естественно, истории такие случались. Меня саму однажды закрыли в камере, когда я спустилась, чтобы набрать еще материала для дополнительных анализов от вскрытого тела — выяснились новые обстоятельства смерти, возникли новые подозрения. Выпустили меня сразу же, я услышала звуки и забарабанила в дверь. Вот до чего может довести бдительность со-

трудников, которые просто проходили мимо и заметили, что дверь не заперта.

В морге тело перемещается из холодильника на секционный стол, если будут вскрывать, а потом обратно, или же его хранят в холодильнике до выдачи. Перед выдачей труп моют, гримируют, одевают. Чаще это делают накануне, потом снова помещают в холодильник. В гроб тело укладывают перед самой выдачей и, как правило, уже в траурном зале, гроб родственники могут заказать и в другом месте, его доставят к прощанию.

ДО МЕСТА УПОКОЕНИЯ В ЗЕМЛЕ ИЛИ В ПЕЧИ ТЕЛО СОВЕРШАЕТ ЦЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. СНАЧАЛА В МОРГ В ТРУПОПЕРЕВОЗКЕ — ПЕРЕОБОРУДОВАННОЙ СКОРОЙ НА НЕСКОЛЬКО ТЕЛ С НАГЛУХО ЗАКРАШЕННЫМИ МОЛОЧНО-БЕЛЫМИ СТЕКЛАМИ И ПОЛКАМИ ВНУТРИ. В МОРГЕ — НА КАТАЛКЕ ОТ ПРИЕМКИ ТРУПОВ ДО ХОЛОДИЛЬНИКА.

Конечно, в моргах есть лифты, без них никак, причем в старых моргах еще сохранились пандусы на случай, если лифт сломается: между этажами наклонная плоскость, маленькие дверцы, вызывающие ассоциации с кухонными лифтами в жилых домах. В далекие времена только этими пандусами и пользовались, спускали по ним трупы, например гнилые, в подвал. Секции для гнилых трупов располагались в подвалах (и сейчас располагаются

в основном там же), неудивительно, что переломы черепа появлялись один за другим. Эксперты потом гадали, прижизненные повреждения или посмертные, — при исследовании гнилостно измененных трупов это трудно установить.

В траурном зале родственники и близкие умершего прощаются с ним, здесь же можно провести отпевание, батюшки приходят в морг. Иногда родственники хотят проводить отпевание непременно в церкви. Тогда тело, уложенное в гроб, после прощания везут в церковь, а только потом на кладбище или в крематорий. Там можно попрощаться еще раз, но, по опыту, это очень травматично для родственников, лучше закрывать гроб в зале, если не предполагается церковное отпевание.

Раньше гробы заколачивались исключительно гвоздями, но слышать стук молотка не было никакой возможности, даже если хоронили чужого, незнакомого человека. Потом появились дорогие гробы иностранного производства с разделенной надвое крышкой, которая завинчивается шурупами с резными красивыми головками, так что можно для прощания оставлять открытой только верхнюю часть тела. Сейчас даже у обычных, обитых сатином гробов санитары завинчивают крышки шурупом. В крематории есть еще один, последний подъемник, с помощью которого гроб с телом опускают в подвал, а потом транспортируют до печи. На кладбище нет подъемника, гроб опускают на веревках или специальных полотнищах. Последнее изобретение — сингуматор, ритуальный лифт, сама ни разу не видела

живьем, только на картинках в Сети. Получается, тело после смерти активно путешествует — часто так, как человек не путешествовал при жизни, шутят санитары, особенно если родственники выстраивают многоходовую комбинацию похорон в несколько этапов в разных местах.

Особо придирчивые или способные трезво оценивать затраты и удобство родственники могут перевезти тело для прощания в другой морг или дом скорби — я имею в виду такие дома прощания, где трупы не вскрываются, секционных залов нет, но есть все остальное, необходимое для похорон. Тело в гробу перевозят уже на катафалке. Происходит это по разным причинам. У кого-то в доме прощания или в другом морге работают родственники или знакомые, кому-то это место ближе и удобнее, где-то, в конце концов, ниже цены на ритуальные услуги. В интернете за последний год мелькала пара историй, как родственники умершего подъезжали к самому большому моргу в Москве с гробом на крыше легковой машины, забирали тело и везли в Самару. Или впахивали гроб в салон такси на заднее сиденье. Конечно, объясняется все банально — отсутствием денег и непомерными ценами на ритуальные услуги. Правда, со случаем в такси ритуальщики подсустились и прокомментировали в том духе, что, мол, такси ездят по выделенной полосе, а на катафалки этот закон не распространяется, ритуальные кортежи стоят в многочасовых пробках.

Случаются ли ошибки с трупами, как с живыми людьми? Всякое бывает. Казусы, когда тела путеше-

ствуют по неверным маршрутным листам, очень редко, но случались. Много лет назад в один день в морг, где я работала, поступили два трупа бабушек, А.М., шестидесяти восьми лет, и М.М., семидесяти четырех лет. Обе среднего роста, сухонькие, седые, одна с короткими волосами, у второй волосы подлиннее, собраны в тощий хвостик на затылке. Одежда у обеих простая, опрятная, где-то заштопанная. Бабушек вскрывали разные эксперты в один день, и ту и другую похоронили от традиционных старческих болячек, от ишемической болезни сердца. А.М. жила одна, близких родственников не было, но нашлись те, кто похоронит. М.М. жила с детьми и внуками. Справки выдали быстро. Похороны оформили на один день с разницей в пару часов. С А.М. попрощались в траурном зале при морге, здесь же ее отпел батюшка, а потом тело повезли на кладбище, которое было близко, чтобы похоронить рядом с мужем. Народа было немного — соседки, подружка, — а до кладбища и вовсе доехали не все. Рассусоливать не стали, гроб закрыли еще в морге, готовились опускать. Как вдруг, трам-тарарам, переполох, бежит сторож, кладбищенский бухгалтер (никого больше из администрации не было), за ними идут люди, решительные, торопятся, кричат на ходу, ноябрь, холодно. Сторож несет гвоздодер, на лицах ужас. На каком этапе перепутали трупы — трупоперевозка, в морге на приемке, на выдаче или эксперты, — теперь уже не разобраться. Дети и внуки М.М. в «своем» гробу на прощании обнаружили совершенно другую бабушку, и, хотя мертвых на самом деле можно не узнать, смерть заметно

меняет лица, особенно для тех, кто при самой смерти не присутствовал, сомнений не было. Стали в морге разбираться по документам, по протоколам осмотров трупов, по актам исследований — хорошо, успели. Дальние родные А.М. давно ее не видели, немногочисленные соседки и приятельницы не приглядывались или решили, что после смерти так и должно быть, и собирались захоронить чужую бабушку.

В моей практике был случай, когда поездки на кладбище и перекладывания тел удалось избежать. Два трупа доставили из одной комнаты в общежитии. Мужчины, двадцати четырех и двадцати семи лет, рост средний, телосложение среднее, нормостеническое, упитанность тоже средняя, удовлетворительная. Короткие стрижки, русые волосы, трусы, у одного в клетку, у другого в полоску. На место происшествия следственно-оперативная группа не выезжала, участковый написал один общий протокол осмотра (в таких случаях правильно составлять один протокол осмотра на два или более трупов, чтобы можно было представить цельную картину), и в пункте «одежда» указал дважды серые трусы. Трусы и правда были серые у обоих. Я почувствовала неладное только на стадии забора биоматериала на дописследования, когда подписывала направления в лаборатории. Лаборантка случайно перепутала фамилии — в направлениях на один труп указала разные фамилии. Стали разбираться, перепечатывать, я окончательно запуталась, вновь подняли трупы из камеры, и тогда обнаружили, что трупоперевозка перепутала бирки.

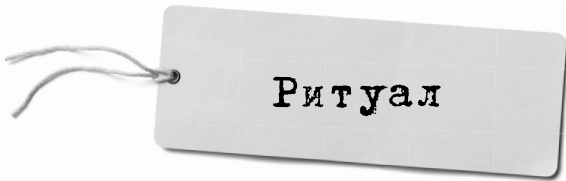
В больших городах трупоперевозка, естественно, маркирует каждый труп, на конечности надевает бирки с ФИО трупа и датой. Московская служба снабжена бобинами с самоклеящимися бирками, бирки пронумерованы, с перфорацией, вешаются по две на труп: одна на руку, одна на ногу. Номера бирок фиксируются в сопроводительном листе трупоперевозки и сверяются санитаром на приемке в морге.

Понятно, что с двумя ничем особо не выделяющимися молодыми мужчинами легко ошибиться, и только само провидение спасло всех нас, тем более что одного родственники увезли хоронить в Курскую область, а второго хоронить отказались, никто из родных не приехал, впоследствии тело было захоронено за государственный счет.

ДЕТИ И ВНУКИ М.М. В «СВОЕМ» ГРОБУ НА ПРОЩАНИИ ОБНАРУЖИЛИ СОВЕРШЕННО ДРУГУЮ БАБУШКУ. НА КАКОМ ЭТАПЕ ПЕРЕПУТАЛИ ТРУПЫ — ТРУПОПЕРЕВОЗКА, В МОРГЕ НА ПРИЕМКЕ, НА ВЫДАЧЕ ИЛИ ЭКСПЕРТЫ, — ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕ РАЗОБРАТЬСЯ.

Бывает и такое, что естественная настороженность, необходимая экспертная «чуйка» перерастает в маниакальные страхи. Истории про людей, которым приходится бегать по госучреждениям и доказывать, что они не умерли, можно услышать до сих пор. Однажды мне на вскрытие привезли труп неизвестного мужчины. Не успела я выйти из секции,

как в регистратуру уже позвонили какие-то дамы из Минска, мать и дочь, которые утверждали, что это именно их муж и отец, при этом путались в показаниях про одежду и личные вещи покойного. Такая скорость и настойчивость очень насторожила. Я сразу придумала легенду, что таким образом белорусская мафия в неизвестном мужчине хочет спрятать члена своего клана, особо отличившегося в разборках и карательных операциях. А на самом деле живому бандиту дать новое имя, документы и таким образом скрыть от правосудия. Труп потом опознали, оказался он из Воронежа, а сумасшедшие крикливые женщины больше не звонили.

К сожалению, сотрудники многих учреждений, связанных со смертью и похоронами, не знают федеральных законов и устанавливают свои правила на местах. Точнее, идут на поводу у ритуальных агентов.

В Москве ситуация лучше, чем в регионах, законы соблюдаются чаще, ритуальный бизнес, естественно, процветает, но некая дистанция между ритуалом и судебкой, ритуалом и патанатомией, хотя и довольно иллюзорная, все же существует.

Не раз сталкивалась с тем, что ритуал и экспертов отождествляют. В идеальных представлениях

Бюро судебно-медицинской экспертизы — это государственные учреждения, а ритуальные агентства — частные структуры. Экспертные бюро устанавливают «истину» — причину смерти, ритуальные агентства занимаются похоронами: работа с телом, гроб, ритуальные принадлежности, место на кладбище, транспорт и поминальные обеды.

Процесс похорон у нас основан на христианских обрядах, остатках языческих ритуалов, не осознаваемых уже как языческие, общенациональных традициях, обусловленных исторически, и местечковых правилах, окончательно все путающих и усложняющих. Родственники хотят вот так и вот так, а еще обязательно с рюшами и в ночь на Ивана Купалу. Агенты, не моргнув глазом, обещают все и сразу, а дальше вытягивают из людей, пользуясь их горем, астрономические суммы.

Уловки стандартные. Трупов сегодня поступило много — нужно столько-то рублей за быстрое вскрытие. Вот у вашего дорогого и любимого лицо все синее, и пожелтел он — значит, сложный грим или бальзамация. К последней склоняют очень часто, особенно если покойного хотят отпевать в церкви. Чтобы труп не «потек»¹, навязывают бальзамацию и консервацию или обработку тела от запаха. В московских церквях у родственников для отпевания даже спрашивают справку о бальзамации. Бальзамация —

¹ Посмертное истечение жидкостей из естественных отверстий (содержимого желудка через нос и рот, например), а также через ушитые секционные разрезы. — *Прим. ред.*

процедура простая, недорогого раствора уходит на одно тело немного, но стоимость для родственников космическая. Самая интересная подробность — бальзамация, за исключением определенных случаев, вообще не нужна. Тела перевозят в морг, даже если не вскрывают, и хранят в холодильных камерах, чего обычно достаточно, чтобы во время прощания труп не «потек» и не позеленел у всех на глазах.

ЭКСПЕРТНЫЕ БЮРО УСТАНОВЛИВАЮТ «ИСТИНУ» — ПРИЧИНУ СМЕРТИ, РИТУАЛЬНЫЕ АГЕНТСТВА ЗАНИМАЮТСЯ ПОХОРОНАМИ: РАБОТА С ТЕЛОМ, ГРОБ, РИТУАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, МЕСТО НА КЛАДБИЩЕ, ТРАНСПОРТ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБЕДЫ.

Иногда ритуальщикам приходится идти на контакт с экспертом, просить о чем-то, иногда даже денег предлагают — но задачи у ритуала и эксперта очень разные, и все эти предложения и вымогательства денег у родственников просто бессмысленны. В регионах, где эксперт — царь и бог на сотни километров вокруг, взаимоотношения с ритуалом и условия для родственников другие.

Объясню на примере. Все хотят получить медицинское свидетельство о смерти побыстрее, провести весь день с утра в морге, когда потерял близкого, родного человека, невыносимо, хочется организовать похороны, как принято, на третий день после смерти, — кроме получения медицинского свидетельства

у родственников еще очень много дел. Агент обещает, что справку выдадут побыстрее, за это надо заплатить столько-то. За сутки в морг на вскрытие может поступить от одного до нескольких десятков трупов — морги обслуживают закрепленные за ними определенные районы, рассчитаны на определенное количество трупов (от нескольких сотен до десятков тысяч в год). Заведующий утром распределяет работу между экспертами. Один эксперт может вскрывать, например, три трупа в день, один труп или вообще ни одного. Если трупов поступило очень много, такое бывает в праздники или после выходных, эксперты работают в две очереди, друг за другом: сначала один вскроет, затем другой эксперт работает на том же секционном столе. Очередность исследований тел, исходя из характера поступившего материала, возможностей и особенностей экспертов, требований полиции, определяет заведующий.

РИТУАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ НЕ МОРГНУВ ГЛАЗОМ ОБЕЩАЮТ ВСЕ И СРАЗУ И ВЫТЯГИВАЮТ ИЗ ЛЮДЕЙ, ПОЛЬЗУЯСЬ ИХ ГОРЕМ, АСТРОНОМИЧЕСКИЕ СУММЫ. УЛОВКИ СТАНДАРТНЫЕ — НУЖНО СТОЛЬКО-ТО РУБЛЕЙ ЗА БЫСТРОЕ ВСКРЫТИЕ, СЛОЖНЫЙ ГРИМ, БАЛЬЗАМАЦИЮ ИЛИ ОБРАБОТКУ ТЕЛА ОТ ЗАПАХА.

Разумеется, если родственники уже дежурят под дверями морга и регистратура, где выдают свидетельства, об этом предупреждена, эксперты пойдут

навстречу и вскроют такой труп в первую очередь и абсолютно бесплатно. Но если ритуальный агент появляется часам к десяти и срочно просит справку на такого-то умершего гражданина, а умершего гражданина будут вскрывать во вторую очередь, а сейчас эксперт исследует другой труп, прекратить одно вскрытие на середине, поменять трупы и срочно вскрыть другого нет никакой возможности. Агент деньги взял, а справку получил ближе к обеду.

Иногда используется обратная схема: не побыстрее выдать справку, а затянуть вскрытие, заставить ждать родственников, чтобы получить желаемый результат. В московском Бюро все поступившие за сутки трупы вскрываются на следующий день. Если трупов поступило очень много, на завтра оставляют тела неизвестных, жителей других городов или стран, если не успели приехать близкие, сложные случаи из стационаров и тому подобные. Ритуальные конторы, имеющие влияние на врачей, работают на затягивание: придерживают, не вскрывают труп, если не могут договориться о стоимости. Тела лежат в холодильниках (и даже без) и гниют. Ритуальщики, пользуясь отсутствием во многих городах централизованной трупоперевозки, перевозят трупы в другой морг. Переводы случаются и в больших городах, и в Москве. В моей практике было два случая, когда трупы поступали к нам через три и даже шесть дней после наступления смерти с признаками гниения, которые служили дополнительным формальным признаком для перенаправления трупа, поскольку не во всех отделениях вскрывают гнилых.

В регионах эксперты сами зачастую проводят бальзамацию и зарабатывают на этом. Кстати, для ее проведения нужно получить соответствующую лицензию, как и на все остальные виды медицинской деятельности. Современную бальзамацию когда-то разрабатывали при участии экспертов, и именно они ее и проводили. Сегодня ею занимается ритуальная служба. На деле, конечно, ритуал и бюро СМЭ, а также больничные патологоанатомы связаны крепкими узами на более высоком, не экспертном уровне.

**ВЫМОГАЯ У РОДНЫХ ДЕНЬГИ, РИТУАЛЬНЫЕ
КОНТОРЫ ПРИДЕРЖИВАЮТ, НЕ ВСКРЫВАЮТ
ТРУП, А ПОТОМ НАХОДЯТ МНИМЫЕ ПРИЧИНЫ
ДЛЯ ПЕРЕВОДА В ДРУГИЕ МОРГИ, ЕСЛИ ЦЕНА,
КОТОРУЮ МОГУТ ЗАПЛАТИТЬ РОДСТВЕННИКИ,
ИХ НЕ УСТРОИЛА. ТЕЛА ЛЕЖАТ И ГНИЮТ.**

В больших городах много моргов, за ними закреплены определенные территории обслуживания, откуда поступают трупы. Логичнее всего строго применять именно этот территориальный принцип, чтобы и родственникам, и сотрудникам полиции было проще и ближе ездить. Естественно, уровень смертности в разных районах разный, это зависит от многих факторов. Например, в Центральном округе Москвы трупов мало просто потому, что там находятся в основном офисные здания, общественные места.

Возможности подстроить работу танатологического отделения под нужды каждого округа у Департа-

мента здравоохранения не всегда есть, да и морги построены не в каждом районе. Поэтому материал распределяют с учетом мощности моргов (количество секционных столов и холодильников в первую очередь) и транспортной загруженности основных магистралей, ведущих к ним. Но это работает только отчасти.

Распределение материала зависит от договоренностей с ритуальщиками, которые сидят на той или иной территории. В зависимости от их доли в морг поступает больше или меньше трупов, а с некоторых пор медицина на эффективном контракте: сколько заработал, столько получил, то есть и судмедэксперты тоже не внакладе. Для подтверждения достаточно изучить план распределения по танатологическим отделениям и сравнить с тем, какая ритуальная контора обслуживает тот или иной морг: в каком-то морге врачи зашиваются — у местного ритуала, соответственно, прибыль, а где-то сидят на голых ставках только потому, что ритуал «чужой».

Теперь о гриме. Родственники не знают, а агенты им навязывают: лицо нужно привести в порядок, чтобы можно было попрощаться, чтобы красиво, чтобы вы запомнили его таким в последний раз.

Мотивация работает на все сто. А часто родственникам даже не объясняют толком, за что с них берут деньги, не расписывают в счете конкретные услуги, обозначают конечную сумму, и многие в состоянии горя легко соглашаются, еще и деньги собирают на похороны по друзьям и знакомым, чтобы все как у людей и не хуже других. В основном для грима используется тональный крем «Балет» или другой крем примерно того же качества.

Если вы думаете, что за ваши десятки тысяч ваш дедушка или ваша жена в гробу будут лежать на самом деле как живые, то вы, конечно, жестоко ошибаетесь. Лицо покойного покрывают толстым слоем тона, одним для всех, причем потемнее, почему-то именно такой цвет у санитаров-гримеров считается «здоровым», даже если покойник при жизни был бледным, губы красят одной и той же розовой помадой, брови рисуют одним темно-коричневым или черным карандашом. Это стандарты ритуальной красоты. Причем не только в Москве, а во многих городах нашей страны.

Грим для ритуальщиков, кстати, хороший способ заработать. Лица действительно во многих случаях синют, и это связано с разными причинами — полнокровием органов и тканей во время наступления смерти, когда сердце, на языке кухонной логики, не может больше перекачивать кровь по сосудам; положением умершего лицом вниз; асфиксией, удушьем — при повешении или когда придавило, например, бетонной плитой (так умер Портос в последней книге про д'Артаньяна под каменными глыбами). При некоторых

болезнях печени тело желтеет, оттенки разные — от лимонного до темно-густо-желтого и даже зеленоватого. А уж если на лице есть синяки, ссадины и раны или труп начал подгнивать, продать родным грим и задрать на эту услугу цену легче легкого.

В ОСНОВНОМ ДЛЯ ГРИМА ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ТОНАЛЬНЫЙ КРЕМ «БАЛЕТ», ЛИЦО ПОКОЙНОГО ПОКРЫВАЮТ ТОЛСТЫМ СЛОЕМ, ОДНИМ ДЛЯ ВСЕХ, ГУБЫ КРАСЯТ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ РОЗОВОЙ ПОМАДОЙ, БРОВИ РИСУЮТ ОДНИМ ТЕМНО-КОРИЧНЕВЫМ ИЛИ ЧЕРНЫМ КАРАНДАШОМ. ЭТО СТАНДАРТЫ РИТУАЛЬНОЙ КРАСОТЫ.

Есть один нюанс. Родственники после отправки тела в морг покойного не видят, увидят они его только на выдаче, на прощании, а с телом после вскрытия происходят всяческие метаморфозы. Когда труп вскрывают, часть крови автоматически сливается, при вскрытии, естественно, нарушается целостность сосудов, кровь вытекает либо в полости, либо на секционный стол. Кровь и жидкости разного рода из полостей вычерпываются, потому что могут просочиться, и труп действительно «потечет». После вскрытия труп светлеет, смягчается, уходит синюшность, уменьшаются отеки, бледнеют синяки, и никакой грим, не то что «сложный», а самый обычный, чаще всего не нужен.

Бывают случаи, когда отеки настолько выражены, что при разрезании мягких тканей при вскрытии

с них стекает жидкость. Кожа обычно у таких тел теряет эластичность и рвется при зашивании. Несмотря на все усилия, труп все равно течет. Иногда резко выражена желтушность, синяки расползаются, тело натурально переливается всеми цветами радуги. Тут, конечно, родственникам объявят закрытый гроб, что обычно тяжело переносится. Иногда пытаются и в запущенных случаях загримировать лицо, закрыть руки, но тогда шанс попрощаться с неузнаваемой восковой маской очень велик.

В закрытых гробах выдают гнилостно измененные трупы, мумифицированные, после пожара, скелетированные, после ДТП или падений с восемнадцатого этажа. Однако, если у вас много лишних денег, можно попробовать восстановить лицо, ушить раны, заклеить их кусочками кожи с других частей тела или даже собрать череп по кусочкам. Вопрос, насколько это нужно, каждый решает для себя сам.

Существует вариант выдачи тела, которым, по моим наблюдениям, пользуются редко. Это скорее связано с похоронными традициями, а не с заговором ритуальных служб. Тело бинтуют полностью, заворачивают голову, одевают и накрывают простынями, укутывают, как младенца. Гроб открытый, родственники могут попрощаться, дотронуться и прижаться в последний раз, правда, не увидят лица, но и в таком варианте агентам есть где развернуться. Легко можно навязать бальзамацию или обработку тела от запахов, хотя в большинстве случаев достаточно просто хранить труп в стандартном моргском холодильнике, а потом тщательно обернуть.

Шаблон

Судебно-медицинский эксперт и работник ритуальных служб в представлениях далеких от медицины людей слиты воедино и воплощены в обобщенном образе. Это суровый мужик, обязательно татуированный, в золоте от зубов до цепей, в клеенчатом фартуке почти что на голое тело. Вечно пьяный, закусывающий бутербродом рюмку, постелив газетку прямо на труп. Он выдирает золотые коронки, крадет гробы в крематории и снимает одежду с трупов. А потом, порубив минут за пятнадцать органы на куски, выписывает справку о смерти, не вдаваясь в подробности, по принципу «что напишу, то и будет». В промежутке он продает налево и направо почки, печени и сердца и ездит на дорогой иномарке.

Все перечисленное неправда и правда одновременно. В Москве и более или менее крупных городах судебно-медицинское исследование трупов и работа с телом перед похоронами разделены. Эксперты занимаются только исследованиями трупов вместе с лаборантами и санитарями, они не проводят бальзамацию, не гримируют и не одевают трупы. Лицензии на бальзамацию у Бюро судмедэкспертизы нет, эта лицензия есть у разных ритуальных контор. Нюанс в том, что одни и те же санитары могут быть оформлены и в Бюро, и в ритуальном агентстве. В регионах, маленьких город-